

ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ

DOI 10.37386/2305-4077-2024-2-71-83

Л. Г. Тютелова¹

Самарский университет им. Королева (Самара)

Л. С. Сидоренко²

Самарский университет им. Королева (Самара)

МОСКОВСКИЙ ТЕКСТ РОМАНА А. ИЛИЧЕВСКОГО «ЧЕРТЕЖ НЬЮТОНА»

Настоящая работа направлена на выявление особенностей разработки проблем городского текста А. Иличевским. Материалом исследования стал роман «Чертеж Ньютона», который свидетельствует о возникновении новой, по сравнению с предыдущими романами (в частности – «Математик» и «Матисс»), авторской стратегии разработки городского текста. Москва рассматривается с позиции ее существования в контексте «другого» – иерусалимского текста. С одной стороны, оба города Иличевского обладают своими специфическими чертами, с другой, исследование показывает наличие индивидуальной авторской концепции города как мыслящего пространства. Его ландшафты становятся текстом, который стремятся прочитать автор и его герой.

Ключевые слова: Александр Иличевский, городской текст, Москва, Иерусалим, город-бездна, город-послание, временное пространство, автор, герой

L. G. Tutelova

Samara National Research University (Samara)

L. S. Sidorenko

Samara National Research University (Samara)

MOSCOW TEXT OF A. ILICHEVSKY'S NOVEL "NEWTON'S DRAWING"

The present work is aimed at identifying the features of the development of urban text problems by A. Ilichevsky. The research material was the novel "Newton's Drawing", which indicates the emergence of a new, compared with previous novels (in particular, "The Mathematician" and "Matisse"), the author's strategy for developing an urban text. Moscow is viewed from the perspective of its existence in the context of the "other" – the Jerusalem text. On the one hand, both cities of Ilichevsky have their own specific features, on the other, the study shows the presence of an individual author's concept of the city as a thinking space. His landscapes become the text that the author and his hero strive to read.

¹ Лариса Геннадьевна Тютелова – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета им. Королева (Самара).

² Лилия Сергеевна Сидоренко – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета им. Королева (Самара).

Keywords: Alexander Ilichevsky, urban text, Moscow, Jerusalem, abyss city, message city, temporary space, author, hero

Тема городского текста появилась в теории литературы после работы В. Н. Топорова о петербургском тексте. При этом далеко не все исследователи согласились с безусловностью понятия, его универсальностью [Калинин, 2010, с. 319–326]. Но, несмотря на существующие возражения, городской текст как явление рассматривается во множестве работ о классической и современной литературе [Анциферов, 1991; Гололобов, 2008; Жаднова, 2013; Кочетова, 2016; Корниенко, 2000; Тюпа, 2005; Черняк 2018]. Их авторы опираются на исследования Н. П. Анциферова [Анциферов, 1926], Ю. М. Лотмана [Лотман, 1984], В. Н. Топорова [Топоров, 2003]. Особое внимание при этом уделяется конкретному локальному тексту: воронежскому [Тернова, 2023], пермскому [Абашев, 2000], самарскому [Левина, 2023] и т.п.

И несмотря на то, что В. Н. Топоров ставил под сомнение возможность возникновения московского текста [Топоров, 2003, с. 26], существует круг авторов, занимающихся и им. Чаще всего в поле зрения ученых находятся работы отдельных писателей: А. С. Пушкина [Козубовская, 1999], А. Н. Островского [Жулькова, 2019], Андрея Белого [Акопова, 2019], С. Кржижановского [Малкина, 2019], Ю. Трифонова [Селеменова, 2008], Д. Рубиной [Левина, 2023], Н. Абгарян [Гриднева, 2023] и других.

Среди этих иных есть и имя Александра Иличевского. М. В. Селеменова отмечает: «Писатель снимает с Москвы наслоения эпох и ищет первозданную сущность города, пытается увидеть за блеском торопливого и честолюбивого мегаполиса древнюю величественную столицу» [Селеменова, 2017, с. 627–628]. Исследователи видят началом московского текста автора тетралогии «Солдаты Апшеронского полка», которая включает романы «Матисс», «Математик», «Перс» и «Анархисты». В ней судьбы героев оказываются тесно связанными с городом. И в то же время Москва оказывается местом, где персонажам предстоит совершить побег, который принято называть экзистенциальным: «Москва для них, одновременно, и место притяжения, т.е. город, в котором постоянно происходят судьбоносные встречи и поворотные события, и точка противостояния, место своеобразной дуэли с судьбой» [Селеменова, 2017, с. 628].

Появившийся в 2019 году роман Иличевского «Чертеж Ньютона» значительно расширяет пространство героев. Москва рассматривается в контексте других ландшафтов, что важно для понимания городского текста писателя. Более того, после присуждения премии роману в интервью автор отметил, «что “Чертеж” – это как минимум два романа под одной обложкой. С одной стороны, это текст, выражающий целую философию, а с другой – это роман о становлении и приключениях героя. Кроме того, некоторым читателям среди героев “Чертежа” видится еще и Иерусалим-текст» [Иличевский, 2020, <https://iz.ru/1102618/daria-efremova/ia-ne-pereotcenival-sovetskuiu-literaturu>].

Московский текст в контексте иерусалимского – это новая стратегия писателя. Она, с одной стороны, помогает в контексте «другого» понять авторский взгляд на столицу России, с другой, расширить возможности разработки проблемы городского текста. Именно это в своей работе мы постараемся показать.

Сопоставление двух образов места в романе позволяет нам утверждать, что Иличевский представляет город как некое тело, увидеть особенности которого позволяет ландшафт. В первую очередь об этом говорят страницы иерусалимского текста, поскольку этот город у Иличевского предстает как пещеристое тело: «оно наполнено прозрением, событиями и безвременьем» [Иличевский, 2021, с. 274]³. Так как оно «пещеристое», то вполне закономерно возникает сравнение с бездной. Герой ощущает ее, когда бродит по городу с отцом. Но тогда ему кажется, что он плывет на катере и видит глубину бездны. Потеряв отца, герой передвигается по улицам осторожно, как по тонкому льду, оксюморонно горячему. Появляются образы «ладоней террас», «предплечий уступов» «барабанной перепонки города-призрака». И в то же время, Иерусалим сравнивается с растением, которое объединяет собой и бездну, и высь: «Иерусалим испещрен эшелонами полостей, вымытых временем, сочащимся сквозь закальцинированную плоть небытия» (с. 239), иерусалимский ландшафт, обладает «вознесенным корнем, ростком, из которого произрастало до небес растение зрения. Из кроны этого хрустального дерева обзоров открывалось раскидисто-сосредоточенное расположение города» (с. 140).

И Москва у Иличевского – тело. Герой воспринимает вечерние пробки с красными стоп-сигналами машин как сосуды города. Возникает образ живого существа с прошлым, настоящим и будущим. О городе-теле говорит и образ жира улиц, вполне возможно, возникший как авторская реминисценция Маяковского. В стихотворении «Нате» уже появлялся образ «обрюзгшего жира», который вытечет через час в чистый переулочок.

Отметим, что исследователи уже писали о том, что Москва Иличевского – бездна. В работе «Анализ московского текста в романе А. Иличевского “Матисс”» Гуань Юй [Гуань Юй, 2021] отмечает такое свойство Москвы, как безразмерность: рождается образ города как бездны, в которой человек оказывается в воле стихии. Город поглощает людей и растворяет их в себе. У героев «Матисса» нет жилья. Отсутствие дома, быта, семьи – ситуация человеческой жизни в столице. Поэтому герои романа как русские странники бродят по городу, постепенно выходя за его пределы и направляясь в монастырь. Современная Москва лишена Бога, нет тишины и спокойствия, которые традиционно характеризуют малонаселенную провинцию.

При таком решении проблемы Иличевский явно нарушает правило создания городского текста. В. Г. Щукин, автор работы «Поэтосфера города. Город как целое», утверждает, что Москва – традиционно женский город, так как «мифо-

³ Роман А. В. Иличевского цитируется по: Иличевский А. В. Чертёж Ньютона. Москва: АСТ, 2021. Далее при цитировании указываются страницы в круглых скобках после цитаты.

поэтика не любит половой нейтральности, ибо одним из ее основополагающих принципов является антропоморфизм. Все мы представляем известные нам города в образе или мужчины, или женщины – чаще всего в зависимости от грамматического рода имени города: Москва – немолодая, немодно одетая женщина, мать» [Щукин, 2014, с. 11]. У Иличевского город-тело не имеет пола. Это «мыслящее пространство», для которого гендер не столь важен.

Стоит отметить, что на первый взгляд Москва и Иерусалим далеки друг от друга. Отец героя через музыку отмечает их разницу. «Москва для него выражалась в Мусоргском, разлитом и парящем в рассветах и закатах над рекой... А Иерусалим с его лунными сумерками глубины времен лучше всего слышен в Двадцать третьем фортепианном концерте Моцарта, в этой белокаменной цельности, составленной из грусти и надежды» (с. 228).

Герой Иличевского полагает, что музыка – единственный язык, не обладающий означающим. Воспринимая музыку, мы слышим «чистый смысл». И именно музыка помогает пониманию города: «только Моцарт, его “Реквием”, услышанный в церкви Успения на Сионе, вырисовал истинно геометрический образ Иерусалима – во всех деталях, с точностью до каждой ложбинки ... именно Моцарт выстроил для отца осознание того, что нынешний город – всего лишь горстка камней в сравнении с тем, что сровняли с вечностью римские легионеры» (с. 229).

Герои ранних романов Иличевского «Математик» и «Матисс» бегут из мира науки в поисках обретения настоящего смысла жизни, преодоления личного кризиса. Они погружаются в обыденность, в мир бомжей Вади и Нади или мир работников пиццерии и разношерстной публики, заказывающей доставку пиццы в Сан-Франциско. В «Чертеже Ньютона» все происходит иначе. Герой свои научные поиски соединяет с поисками отца, который не поглощен обыденностью. Он читает город как книгу. При этом Москва достаточно быстро исчезает из поля зрения персонажей. Отец сначала пускается в свои странствия по стране, потом и за ее пределы. Но именно родной город героя дает возможность понять его исследовательский метод, близкий авторскому. Иличевский в одном из интервью говорил о том, что пишет свои стихи, бродя по городу и записывая на улицах сочиненное. Герой романа также осваивает пространство: «Осеннее время поднимало меня с места и опускало в кроссовки. Я натягивал штормовку, и Москва трусцой набегала на меня» (с. 62).

В силу особенностей видения Москвы и Иерусалима автором, в «Чертеже Ньютона» отец героя и он, вслед за ним, осваивают город не как особый географический комплекс, и даже не как «образ места», а как живое пространство, способное мыслить. В одном из писем Виктора Вайса высказана такая мысль: «Мне всегда казалось, что ландшафт – сущность, обладающая если не речью, то мыслью» (с. 214). Иерусалим, например, существует с самосознанием того, что «в нем должно что-то произойти, – нечто, что станет предельно важным для всего мира, ибо такое уже происходило в истории» (с. 246).

В итоге пространство видится герою не только телом, но и живым текстом, отсюда в романе появляется его определение как палимпсеста. Его чтение – путь поиска времени. Поэтому и в Москве, и в Иерусалиме Иличевского можно потеряться во времени, но не в пространстве. Это утверждение становится ключом к пониманию того, найдет ли герой своего отца: пространство дает такую надежду, но нужно отыскать верную временную точку. По воспоминаниям героя Виктор Вайс считал, что «Иерусалим – это единственный город, позволяющий человеку привольно жить в собственном воображении. Он верил, что где-то здесь, в Иерусалимских холмах, обитает магия машины времени. Он водил меня на пустыри и показывал точную траекторию, по которой следовало пройти и выписать своим телом, как кончиком пера, буквы заклинания, чтобы в конце его попасть во временную нору» (с. 223).

Еще одна особенность городского пространства у Иличевского заключается в том, что оно может быть местом, где можно получить передышку между странствиями и напряженной работой. Таким местом становится Москва, которая «погрузилась в снегопад, утонула в долгожданных морозах и сугробах, город преобразился в одну ночь, просветлел» (с. 108). В таком светлом городе можно отдохнуть от лихорадочных поисков.

При этом тема снега у Иличевского сблизилась Москву и Иерусалим. Снег в широтах Иерусалима уникален, а потому, разглядывая старые фотографии, герой в одном пространстве видит и другое: «А вот Харам аль-Шериф – Храмовая гора в сугробах, как какой-нибудь московский двор, с протоптанными в разных направлениях тропками, уже подтаявшим, потемневшими» (с. 287).

И еще одно объединение возникает в связи с темой дирижаблей. Один из них связан с московским детством отца. Именно 20–30 годы – эпоха дирижаблестроения. Когда в Долгопрудном, где рос отец, не хватало мачт для фиксации дирижаблей, их привязывали к деревьям. Это пробудило у героя тягу к движению. И он ищет пространство, которое будто способно приподняться. Таковым, как говорил его записи, он видит Иерусалим.

Иерусалим представлен летящим, парящим, в силу его «эллиптической – дирижабельной – геометрии» (с. 277), «луна заходит за иорданский берег, звёзды становятся ярче. Иерусалим летит. Летит Гило и Тальпиот, летят Бухарский квартал и Венгерский, Армянский и Мишкенот Шаананим, в задичавших садах летит заброшенная Лифта, звёзды плывут в провалах крыш ее домов» (с. 172–173), «летят холмы, осыпи, бедуинские стоянки, скалы, ущелья, свалки» (с. 173), «летят колодцы, горы, камни, лес. Летят звери, птицы, живое, неживое. И тает лунный свет над горизонтом. Летят ангелы, призраки, прозрачные колоссы, гиборимы, рефаимы, зачатые ангелами и женщинами на горе Хермон» (с. 173), «летит тоска, грехи, и плач, и смех, и улицы, и площади, летят афиши. Все камни, тротуары, стёкла окон» (с. 174).

В конечном итоге, у Иличевского появляется образ древнего города как суммы террас, «подпорных стен, висячих садов, скверов, клумб, балконов,

крыш – некая лестница, карабкающаяся на небеса, с поставленными вразнобой ступенями, ведущими к некоему смыслу» (с. 236–237). Герои ищут этот смысл, поэтому и выбирают такой угол зрения на город, который позволяет увидеть его истинный облик. В Иерусалиме такая точка найдена отцом. Он обозревал холмы с запада на восток, благодаря чему видимое казалось островком, парящим в воздухе.

Сын нашел наиболее точный ракурс видения Москвы: с борта самолета, который заходит на посадку. Это уже привычная для романов Иличевского точка восприятия пространства: в романе «Математик» «при взлете Максиму (Покровскому – Л.Т., Л.С.) особенно нравился момент, когда всё внизу принимало вид карты. Это происходило вдруг, существовала тоска вот такого фазового перехода, когда окружающее пространство в одно мгновение теряло соразмерность с человеческим телом и ландшафт откидывался на диск горизонта топографическим кристаллом» [Илический, 2013, с. 858].

Не всегда появляется возможность видеть Москву с борта садящегося самолета. Но и в городе можно его «застать врасплох», поднявшись над ним: «Пресненский вал, свернул на Малую Грузинскую, поднялся в лифте со стеклянной стеной над Пресней, будто пропустил ее в пищевод, и мне стало легче выносить город, когда я оказался в мире крыш – обители отвлеченной, ненаселенной» (с. 64).

Для Константина Вайса Москва оказывается удивительно похожа на смазанный почтовый штемпель, который, с одной стороны, фиксирует дату получения письма, но в силу своей размытости, с другой стороны, хранит время, но явно не говорит, каково оно. Поэтому и появляется желание «снять наслоение эпох», как писала об этом М. В. Селеменова. В «Чертеже Ньютона» это происходит благодаря и рассматриванию старых черно-белых фотографий, сделанных отцом героя, и при просмотре старой кинохроники, где «... бородатые крестьяне в рыбных рядах под Сухаревской башней вынимали напоказ сомов и стерлядь из корзин с уловом» (с. 247). Герой решил, что «эти чрезвычайные съемки, эти трудные для зрения кадры, словно засеченные ливнем, сумраком вековой глубины, сгущавшимся по мере погружения исторического батискафа, были добыты в пластах настоящего с помощью некоего зрочка объектива, способного заглянуть за горизонт очевидности» (с. 247–248).

В конечном итоге и Иерусалим, и Москва Иличевского похожи на «переломанный слоеный пирог», в котором на поверхность «бессознательного настоящего» выпирают древние слои. Более древние – в Иерусалиме, менее – в Москве, где Виктор Вайс составляет каталог ее архитектурных стилей от масонских церквей Замоскворечья, потом периода архитектуры конструктивизма, когда появляется образ «размолотившего пространство пикирующими углами ДК имени Русакова» (с. 102), до современной столицы с новостройками на окраинах города, который расплзается, и эти окраины множатся бесконечно.

В итоге возникает мозаичный образ. В романе есть запись отца: «Я хочу вгрызться в глотку этому эклектичному, одновременно уродливому и милому божеству – Москве, представляющейся мне в песьем бездомном облике, изгва-

зданном проплешинами пустырей и лишаями провалов; стаи бродячих собак – ее жрецы, но есть, есть такие обличья столицы, к которым хочется пригнуться, приласкать, подкормить» (с. 93).

Образ города вырастает из бытовых воспоминаний детства, микромира коммуналок, в некий особый текст города. Часть города из воспоминаний и архивов отца уже отсутствует в явственной реальности столицы, и Константин как краевед-экскурсовод ведет читателя по знакомым с детства улицам и районам Москвы: Пресня, Малая Грузинская, Остоженка, Арбат. Из фотоальбомов Виктора Вайса мы видим целый пласт зданий московского конструктивизма, уникального явления новой социалистической эпохи. Эти здания грандиозны, как сталинский ампи́р, и сохранились в архитектуре столицы. У читателя возникает ощущение прогулки по нестереотипному городу.

Его образ есть уже в «Матиссе»: «Москва – рогатое слово... <...> „М” – это Воробьёвы горы. Пила кремлёвской стены. „О” – Садовое, Бульварное, Дорожное кольцо. „С” – полумесяц речной излучины. „К” – трамплины лыжные, кремль, конь чёрный. „Ва” – уа, уа, – детский крик, вава» [Иличевский, 2009, с. 240]. Это «рогатое слово» как детская «коза», которой автор дразнит читателя. Герой и его создатель как коренные москвичи имеют свои представления о городе. Это непарадная Москва, неоткрыточная, особый мир, который отражает мироощущение героя на изломе жизни и судьбы. Герой отстраняется от людей, привычной жизни ради внутренней свободы, поиска истинного пути и странничества.

Константин Вайс остро переживает изменения, которые происходят в Москве. Преображенное во времени пространство раздражает его именно новыми, поверхностными людьми, блеском дизайна. Герою нужна глубина мысли, чувства, а новостройки безлики, как и «жир» столицы – богачи, «оккупировавшие» двор и Пресню со своими нервными охранниками и модными ресторанами. Низменность их помыслов чужда герою, и его ностальгия о прошлом влечет к погружению в письма отца. Рождается концепт города-послания (о чем говорит и авторское его определение как палимпсеста), города-письма из прошлого, или страны прошлого, страны воспоминаний, на конверте которой Москва представляется как смазанный почтовый штемпель. А герой смотрит на город с высоты самолета, крыш или дирижабля, парящего над Москвой. Иногда оказывается достаточно окна квартиры: «... я стоял у окна и смотрел, как снег ложится на жестяные кровли, на палисады, как дворники прочерчивают далеко внизу контурную карту конца ноября» (с. 61).

Город-послание Иличевского – это и Иерусалим. Именно пространство древнего города можно прочесть как послание из прошлого: «ландшафт здесь связан со словами пуповиной, по которой движутся чернила-кровь», «нигде камни так не похожи на слова и слова на камни. Иерусалим – словно бы место крепления слов к вещам» (с. 295).

Любой город – послание, которое не дописано до конца: его можно «прочесть» только выйдя за рамки романа. Автор упоминает не только существую-

шие архитектурные памятники, которые можно увидеть, пройдя по маршруту Константина Вайса, но и уже утраченные. Их фотографии нужно самостоятельно искать в архивах. Или, например, Виктор Вайс сравнивает Москву с музыкой Мусоргского. Ее надо услышать, чтобы увидеть тот особенный, неповторимый облик городского пространства, который появляется в романе.

Так читатель активно включается в поиски смыслов, которые постепенно открываются герою. Его путь начинается с известия о том, что не выходит на связь с родственниками мать жены. И в романе появляются пустынные пространства Америки. Но их контекст не самый важный для Иличевского. Его в большей степени интересует безбрежность вселенной и говорящее молчание израильских пустынь. Герой стремится разгадать тайну сознания и использовать открытые алгоритмы на пользу человека.

В большей степени для этого подходит Иерусалим. Он обладает иной, нежели Москва, «корневой системой». Она не только не московская, но и не европейская. Недаром в романе отмечается особая захламленность Иерусалима. Она поражает героя: «Я смотрел на горы мусора и товара, на просветы между смыкавшимися карнизами крыш, меня накрывали резкие ароматы...» (с. 184). Но у отца есть свое объяснение этой особенности города: «Нельзя евреев порицать за неаккуратность – неряшливость ученого приличней педантичности бессердечия» (с. 185). И главное в Иерусалиме то, что он – колыбель цивилизации. Она обязана возникнуть, как говорится в романе, «не в случайном месте, а в некоей утробной сердцевине, окруженной климатическим и рельефным многообразием, столкновением тектонических плит, морей, путей, идей» (с. 214). Личный взгляд героя открывает оппозиции «свой / чужой» не только в Москве, но и в Иерусалиме: «из многочисленных странностей, отличавших жизнь Иерусалима, у меня сложилось общее впечатление, будто весь город исполосован лезвиями “свой / чужой”, отчего он представлялся похожим на разбитое зеркало, лежащее вверх лицом, в котором наплывают друг на друга облака и садится разное солнце» (с. 312). Рождается образ зеркала, в котором герой видит отражение и собственных мыслей, и смыслов, то есть благодаря отраженному в городском ландшафте он осознает высший смысл человеческой жизни и собственных научных поисков.

Поэтому Иерусалим оказывается местом завершения поиска героя, который начинается еще в Москве. Отсюда тема конструктивизма у отца, а лаборатории – у сына. Константин в бездне многонаселенного города и многолюдности улиц видит родной с детства образ Пресни и бежит от «помойки», «тусовки жены» и утилитарности в научный институт – прибежище мира духовных поисков. Высший смысл человеческой жизни воплощен для героя в науке и открытиях ученых, в познании тайн Вселенной. И это говорит о том, для автора в «Чертеже Ньютона» важна тема понимания не только себя, но и «другого». Москва герою этого не позволяет сделать: рядом с Константином в Москве не оказывается близких ему «других». Недаром автор подчеркивает, что город

встречает героя бесснежным предзимьем и отчужденно-приветливой женой. Москва оказывается путем к пониманию «другого» не человека, а пространства. Именно оценка ее как размытого почтового штемпеля приближают читателя к образу Иерусалима с его мифологической размытостью, с темой, широко разработанной в романе.

Заключение

В статье мы рассмотрели традиционные для Иличевского приемы изображения московского городского пространства, представленные в романе «Чертеж Ньютона». Для авторской концепции характерны особенные черты в изображении столичного локуса. Ландшафт столичного города рассматривается в сопоставлении с другими романами тетралогии «Солдаты Апшеронского полка»: «Матисс» и «Математик». Традиции создания образа города на Москва-реке связаны, во-первых, с излюбленными районами писателя: Пресней, где прошло детство Константина Вайса, Долгопрудным, где вырос его отец и расположено общежитие физтеха. Во-вторых, отметим, что столица является пространством, которого сторонится герой, каждый раз совершая экзистенциальный побег из города-бездны. В-третьих, как отмечают многие исследователи творчества Иличевского, в романах представлена не парадная, открыточная Москва, а особенная «своя» столица, которую можно увидеть только глазами героя романа, пройдя вместе с ним его пешие маршруты.

Мы отметили в нашей работе и отличительные черты, которые характерны для изображения городского пространства в романе писателя «Чертеж Ньютона»: во-первых, это тема московского конструктивизма и тесно связанная с ней тема дирижаблестроения и воздухоплавания, во-вторых, мотив утраченного во времени пространства, в частности, характерных архитектурных доминант. Мотив утраченного во времени пространства зафиксирован в архивах, документах, фотографиях Виктора Вайса. И, в-третьих, это образ «другого» городского пространства – иерусалимского, наполненного для героя духовными поисками высшего смысла жизни. Присутствие в романе «иных» пространств подчеркивает уникальность каждого локуса, они по-своему создают особую картину мироощущения героя в каждом из них, а с другой стороны, разные города имеют и общие черты ландшафта, объединяющие в единое целое пространство, окружающее героя. Московское городское пространство присутствует в романе в разных временных пластах: в настоящем героя и памяти, это позволяет автору выстроить картину меняющегося города как живого организма и понимание этой изменчивости Москвы дает герою ощущение чуждости города в его современном состоянии. Отсутствие отца, холодность жены вызывают отчуждение от пространства столицы. Герой бежит от обыденности и повседневности в иное городское пространство, хранящее прошлое вплоть до библейских времен. Константин осознает важность духовного. Следуя по пути Виктора Вайса, он, как блудный сын, возвращается в дом отца в Иерусалиме, обретая его духовное присутствие в окружающем пространстве древнего города.

Таким образом, Москва рассматривается в контексте других ландшафтов, что важно для понимания городского текста писателя. Московский текст в контексте иерусалимского в романе «Чертеж Ньютона» – это новая стратегия писателя, которая помогает в сопоставлении с «другим» понять авторский взгляд на столицу России как на палимпсест, который нужно освоить читателю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абашев, В. В.** Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / Абашев. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. – 404 с.
2. **Акопова, Ю. А.** От символа к симулякру (на материале «Московского текста» Андрея Белого) / Ю. А. Алпатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 10. – С. 92–95.
3. **Анциферов, Н. П.** Пути изучения города, как социального организма / Н. П. Анциферов. – Ленинград: Изд-во «Сеятель», 1926. – 150 с.
4. **Анциферов, Н. П.** «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / Н. П. Анциферов. – Ленинград: Лениздат, 1991. – 335 с.
5. **Гололобов, М. А.** Городской текст и ракурсы его интерпретации / М. А. Гололобов // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Филология. – 2008. Вып. 1 (57). – С. 178–182.
6. **Гриднева, Н. А.** Образ Москвы в книге Наринэ Абгарян «Понаехавшая» / Н. А. Гриднева // Вестник Тюменского государственного ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitatis. – 2023. – Т. 9. – № 2 (34). – С. 54–68.
7. **Жаднова, Е. Н.** Современные подходы к изучению проблемы Петербургского текста русской литературы / Е. Н. Жаднова // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Серия Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13. – Вып. 4 – С. 70–74.
8. **Жулькова, К. А.** «Московский текст» А. Н. Островского / К. А. Жулькова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, Литературоведение: Реферативный журнал. – 2019. – № 2. – С. 105–109.
9. **Иличевский, А. В.** Математик / А. В. Иличевский // Иличевский А. Солдаты Апшеронского полка: Матисс. Перс. Математик. Анархисты: [романы]. – Москва: АСТ, 2013. – С. 727–874.
10. **Иличевский, А.** Матисс / А. Иличевский. – Москва: АСТ: Астрель, 2009. – 347 с.
11. **Иличевский, А. В.** Чертёж Ньютона / А. Иличевский. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. – 348 с.
12. **Иличевский, А.** «Я бы не переоценивал советскую литературу»: интервью Дарье Ефремовой / А. Иличевский // Известия. 22 декабря 2020. – URL: <https://iz.ru/1102618/daria-efremova/ia-ne-pereotcenival-sovetskuiu-literaturu> (30.01.2024).

13. Калинин, И. А. «Петербургский текст» Московской филологии / И.А.Калинин // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 2 (70). – С. 319–326.

14. Козубовская, Г. П. Письма А. С. Пушкина и «Московский текст» / Г. П. Козубовская // Культура и текст. – 1999. – № 5. – С. 60–80.

15. Корниенко, Н. В. Москва во времени (имя Петербурга и Москвы в русской литературе 10–20-х годов XX века) / Н. В. Корниенко // Москва в русской и мировой литературе. – Москва: Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, 2000. – С.210–247.

16. Кочетова, С. А. «Кипучий морок города»: Поэтика городского текста в романе А. Иличевского «Матисс» / С. А. Кочетова // Восточнославянская филология. Литературоведение. – 2016. – № 3 (27). – С. 25–40.

17. Левина, П. А. Самара в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» / П. А. Левина, М. А. Перепелкин // Семиотические исследования. Semiotic studies. – 2023. – Т. 3. – № 4. – С. 57–64.

18. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Ученые записки. Тартуского университета. – 1984. – Вып. 664. – С. 30–45.

19. Малкина, В. Я. Город как образ и понятие в повести с. Кржижановского «Штемпель: Москва» / В. Я. Малкина // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – № 2–1. – С. 101–122.

20. Селеменова, М. В. Поэтика «Московского текста» Ю. В. Трифонова / М. В. Селеменова // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. – 2008. – № 2 (12). – С. 131–148.

21. Селеменова, М. В. Своеобразие московского текста Александра Иличевского / М. В. Селеменова // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – Москва, 2017. – № 4. – С. 627–639.

22. Тернова, Т. А. Изучение Воронежского текста русской культуры в Воронежском гос. ун-те // Семиотические исследования. Semiotic studies. – 2023. – Т. 3. – № 2. – С. 60–65.

23. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. – Санкт-Петербург: Искусство, 2003. – 614 с.

24. Тюпа, В. И. Коренная мифологема Петербургского текста / В. И. Тюпа // Существует ли Петербургский текст? – Санкт-Петербург, 2005. – Вып. 4. – С. 81–91.

25. Черняк, В. Д. Москва и Петербург в текстах нон-фикшн / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – Томск, 2018. – № 2 (191). – С. 9–13

26. Щукин, В. Г. Поэтосфера города. Город как единое целое (фрагмент из книги) / В. Г. Щукин // Новый филологический вестник. – 2014. – № 1 (28). – С. 8–18.

27. 干雨. 《马蒂斯》的«莫斯科文本»研究. 黑龙江大学. 2021. (Гуань, Юй. Анализ московского текста в романе А. Иличевского «Матисс» / Юй Гуань // Хэйлунцзянский университет. 2021. – 50 с.)

REFERENCES

1. **Abashev, V. V.** Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature XX veka / V. V. Abashev. – Perm': Izd-vo Permskogo un-ta, 2000. – 404 s.

2. **Akopova, Yu. A.** Ot simvola k simulyakru (na materiale «Moskovskogo teksta» Andreya Belogo) / Yu. A. Akopova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2019. – T. 12, vyp. 10. – S. 92–95.

3. **Anciferov, N. P.** Puti izucheniya goroda, kak social'nogo organizma / N. P. Anciferov. – Leningrad: Izd-vo “Seyatel’”, 1926. – 150 s.

4. **Anciferov, N. P.** “Nepostizhimyj gorod...” Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo / N. P. Anciferov. – Peterburg Pushkina. – Leningrad: Lenizdat, 1991. – 335 s.

5. **Chernyak, V. D.** Moskva i Peterburg v tekstah non-fikshn / V. D. Chernyak, M. A. Chernyak // Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta. – Tomsk, 2018. – № 2 (191). – S. 9–13.

6. **Gololobov, M. A.** Gorodskoj tekst i rakursy ego interpretacii / M. A. Gololobov // Vestnik TGU. Gumanitarnye nauki. Filologiya. – 2008. Vyp. 1 (57). – S. 178–182.

7. **Gridneva, N. A.** Obraz Moskvy v knige Narine Abgaryan «Ponaekhavshaya» / N. A. Gridneva // Vestnik Tyumenskogo gos. un-ta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitatis. – 2023. – T. 9. – № 2 (34). – S. 54–68.

8. **Ilichevskij, A. V.** Chertyozh N'yutona / A. Ilichevskij. – Moskva: AST: Redakciya Eleny Shubinoj, 2021. – 348 s.

9. **Ilichevskij, A. V.** Matematik / A. V. Ilichevskij // Ilichevskij A. Soldaty Apsheronского polka: Matiss. Pers. Matematik. Anarhisty: [romany]. – Moskva: AST, 2013. – S. 727–874.

10. **Ilichevskij, A.** Matiss / A. Ilichevskij. – Moskva: AST: Astrel', 2009. – 347 s.

11. **Ilichevskij, A.** «Ya by ne pereocenival sovetskuyu literaturu»: interv'yu Dar'e Efremovoj / A. Ilichevskij // Izvestiya. 22 dekabrya 2020. – URL: <https://iz.ru/1102618/daria-efremova/ia-ne-pereotcenival-sovetskuiu-literaturu> (30.01.2024).

12. **Kalinin, I. A.** “Peterburgskij tekst” Moskovskoj filologii / I. A. Kalinin // Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture. – 2010. – № 2 (70). – S. 319–326.

13. **Kozubovskaya, G. P.** Pis'ma A. S. Pushkina i «Moskovskij tekst» / G. P. Kozubovskaya // Kul'tura i tekst. – 1999. – № 5. – S. 60–80.

14. Kornienko, N. V. Moskva vo vremeni (imya Peterburga i Moskvy v russkoj literature 10–20-h godov XX veka) / N. V. Kornienko // Moskva v russkoj i mirovoj literature. – Moskva: Ros. akad. nauk. In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo, 2000. – S. 210–247.

15. Kochetova, S. A. «Kipuchij morok goroda»: Poetika gorodskogo teksta v romane A. Ilichevskogo «Matiss» / S. A. Kochetova // Vostochnoslavyanskaya filologiya. Literaturovedenie. 2016. – № 3 (27). – S. 25–40.

16. Levina, P. A. Samara v romane Diny Rubinoj «Sindrom Petrushki» / P.A. Levina, M.A. Perepelkin // Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies. – 2023. – T. 3. – № 4. – S. 57–64.

17. Lotman, Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda / Yu. M. Lotman // Uchenye zapiski. Tartuskogo un-ta. 1984. – Vyp. 664. – S. 30–45.

18. Malkina, V. Ya. Gorod kak obraz i ponyatie v povesti s. Krzhizhanovskogo (“Shtempel’: Moskva”) / V. Ya. Malkina // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2019. – № 2–1. – S. 101–122.

19. Selemeneva, M. V. Poetika «Moskovskogo teksta» Yu.V. Trifonova / M. V. Selemeneva // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. – 2008. – № 2 (12). – S. 131–148.

20. Selemeneva, M. V. Svoeobrazie moskovskogo teksta Aleksandra Ilichevskogo / M. V. Selemeneva // Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. – Moskva, 2017. – № 4. – S. 627–639.

21. Ternova, T. A. Izuchenie Voronezhskogo teksta russkoj kul'tury v Voronezhskom gosudarstvennom universitete / T. A. Ternova // Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies. – 2023. – T. 3. – № 2. – S. 60–65.

22. Toporov, V. N. Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy / V. N. Toporov. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo, 2003. – 614 s.

23. Tyupa, V. I. Korennaya mifologema Peterburgskogo teksta / V. I. Tyupa // Sushchestvuet li Peterburgskij tekst? – Sankt-Peterburg, 2005. – Vyp. 4. – S. 81–91.

24. Shchukin, V. G. Poetosfera goroda. Gorod kak edinoe celoe (fragment iz knigi) / V. G. Shchukin // Novyj filologicheskij vestnik. – 2014. – № 1 (28). – S. 8–18.

25. Zhadnova, E. N. Sovremennye podhody k izucheniyu problemy Peterburgskogo teksta russkoj literatury / E. N. Zhadnova // Izvestiya Saratovskogo un-ta. Nov. ser. Seriya Filologiya. Zhurnalistika. – 2013. – T. 13. – Vyp. 4. – S. 70–74.

26. Zhul'kova, K. A. «Moskovskij Tekst» A. N. Ostrovskogo / K. A. Zhul'kova // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7, Literaturovedenie: Referativnyj zhurnal. – 2019. – № 2. – C. 105–109.

27. Guan', Yuj. Analiz moskovskogo teksta v romane A. Ilichevskogo (“Matiss”) // Hejlunczyanskij un-t, 2021. – 50 s. (In Chinese).